

“ДНЕВНИК ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА” И.С. ТУРГЕНЕВА: ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА

В литературоведении сложилось мнение, что повесть “Дневник лишнего человека” (1850) создана как продолжение “старой манеры” “Записок охотника” [1; 2]. Однако есть все основания полагать, что это произведение представляет собой новую разновидность жанра в системе средних повествовательных форм.

Стиль повести изменчив. О его “эпичности” свидетельствуют картины провинциально-мещанского быта и изображение духовной атмосферы 40-х годов. Сатирически “натурально”, например, описывает герой-рассказчик уездный городок и его обитателей: городничего, “необыкновенно крупного, словно из залежалого материала скроенного человека”, “остряка-землемера – немецкого происхождения с татарским лицом” и других [3, с. 177]. Особенно ощутима едкая ирония Чулкатурина при описании бала дворянского общества. Здесь явно прослеживается гоголевская традиция. Однако писатель выходит за рамки “физиологий”, что скажется на жанрово-стилевых особенностях повести. Это во многом связано с изменением роли и места рассказчика в организации повествования.

В “Записках охотника” рассказчик выступает прежде всего как наблюдатель. Ограниченный пространственно-временными рамками очерков-рассказов, в

пределах которых невозможно показать героев в действиях и взаимных столкновениях, авторский "посредник" представляет увиденное, как правило, в качестве зарисовок с натуры.

В повестях 50-х годов (в том числе и в "Дневнике лишнего человека"), где повествование ведется от первого лица, прослеживается тенденция изобразить человеческий характер изнутри, и, следовательно, рассказчик обладает большим самовыражением, ибо проявления реальной жизни передаются непосредственными участниками событий.

Так, в "Дневнике лишнего человека" эпическое "подрывается" лирико-психологической насыщенностью повествования. Субъективное повествование становится основополагающим в создании художественной целостности произведения, оно подчиняет эпическую и драматическую тенденцию. Важным в повести оказывается не столько любовная коллизия, действующие лица, сколько эмоциональная реакция на них рассказчика. Повествование от первого лица позволяет глубоко исследовать процесс самосознания героя, пытающегося "изложить самому себе свой характер", разгадать свою судьбу [3, с. 172].

"Что я за человек?" – центральный вопрос для Чулкатурина, но, что важно, адресован он самому себе. Основная задача героя – создать психологический автопортрет "совершенно лишнего на этом свете человека" [3, с. 172]. Его речь представляет собой так называемый "уединенный монолог", к которому можно отнести дневниковые записи, "не ориентированные на читателя" [4, с. 199]. И хотя "уединенный монолог" не исключает диалогического общения, "голосов" других персонажей, Чулкатурин постоянно ощущает себя в духовной изоляции: он, по собственному выражению, "лишний", "сверхштатный человек" [3, с. 173]. Это господство гомофонического начала в повествовании придает особую конфигурацию всей художественной ткани произведения, а значит, господствующим признаком жанра является *монологичность*.

Характер Чулкатурина во многом социален и историчен. Это образ рефлектера-интеллигента 40-х годов, во многом сформированного в философских кружках, "возвышенного и одновременно обессиленного собственной культурой" [5, с. 555]. Это сближает его с Василием Васильевичем из "Гамлета Цигровского уезда". Однако судьба их во многом не схожа. Если герой очерка еще как-то способен мириться с окружающей средой и согласиться, что люди, подобные ему, "чудаки", то Чулкатурин, погруженный в безысходный самоанализ, уверен, что он оказался "неспособным даже к жизни" [3, с. 169]. Мысли об этом изнуряют героя и едва не сводят с ума. Если Василий Васильевич предпринимает неудачные попытки заняться общественной деятельностью, то в "Дневнике лишнего человека" изменяется авторский замысел: в центре изображения тип рефлектирующего индивидуума, а не его социальная функция. В этом смысле трудно согласиться с В.А. Громовым, который в столкновении Чулкатурина со своим соперником, князем Н., усматривает социальный смысл [6, с. 153].

В основе сюжетной линии повести – история жизни Чулкатурина, представленная как глубинный процесс его самосознания. Ее основные сюжетные узлы – история любви к Лизе, неизлечимая болезнь и приближающаяся смерть. Концентрический тип сюжетосложения в повести выявляет так называемый субстанциональный конфликт, который в принципе не разрешим. Исповедь главного героя достигает необычайной напряженности – это исповедь перед смертью. Конфликтность порождает драматизацию эпического повествования.

Психологизм тургеневской повести является доминантным принципом ее поэтики, и это констатировалось рядом исследователей, начиная с современников писателя. А.В. Дружинин, в частности, отметил одну из существенных черт этого

произведения: это, по его словам, “собственно не повесть, а психологическое развитие” [7]. В “Дневнике лишнего человека” ощутим отход от “старой манеры”, декларативности “Андрея Колосова”, совершенствуется повествовательная форма, углубляются способы и приёмы раскрытия внутреннего мира героев. Связь характера с жанром обусловлена сосредоточенностью автора на психологическом раскрытии характеров. Рефлексия, представляемая через формы психологизма (преимущественно внутренний монолог, реже – диалог, а также средства косвенной характеристики – жест, мимику, поступок), выявляет глубину самоанализа героя, неодолимый разлад как с самим собой, так и с окружающим миром.

Чулкатурин явно не вписывается в ряд таких своих предшественников, как Онегин, Печорин, Бельтов, обреченных на социальное бедствие в силу исторических условий. В отличие от тургеневских Рудина, Лаврецкого, Литвинова и подпольного человека Достоевского, он “явно лишен идеологичности” [8, с. 26]. В образе Чулкатурина автор попытался воссоздать тип героя, наделенного амбициозностью, мнительностью, застенчивостью. В повести наиболее ярко отражена такая главенствующая его черта, как рефлексия, одна из характерных черт дворянского интеллигента.

Исследователь В.И.Кулешов справедливо полагает, что Тургенев впервые в русской литературе “выявил <...> отрицательные черты” “лишнего человека” [9, с. 21]. С молодых лет герой приобрел привычку размышлять по самому ничтожному поводу и болезненно воспринимать самые незначительные промахи. Внутренний конфликт многократно усиливался внешним: у героя сложные отношения с окружающими, и это ставит его в поистине безвыходное положение. Приятели чувствовали с ним “неловко”, “не совсем естественно улыбались”, “торопливо пожимали <...> руку” и “тотчас отходили в сторону” [3, с. 175]. Это в который раз убеждало его, что “лишний”, “сверхштатный человек – вот и все” [3, с. 173]. Пренебрежительные отзывы о своей личности свидетельствовали о заурядности героя и должны были бы настраивать читателя на определенный лад. Но позиция автора по отношению к герою сложна, неоднозначна. Рассказчик достаточно справедлив, заявляя: “Я <...> не лишен проницательности и дара наблюдения; я вообще не глуп; мне даже иногда в голову приходят мысли довольно забавные” [3, с. 175]. Действительно, Чулкатурин – литературно образованный человек, обладает способностью к живому воображению и острой наблюдательности.

Признание рассказчиком в своей личности некоторых достоинств не возвышает Чулкатурина в собственных глазах, он постоянно подчеркивает свою незначительность. На природу этого персонажа проливает свет история его личных отношений с Лизой Ожиной. Любовь к Лизе отчетливо обнаруживает эгоцентричность его натуры, что ярко проявляется в его эмоциональном отношении к природе. Картина заката, когда “полнеба разгоралось и рдело” и “красные лучи были вскользь по лугам, бросая алый блеск даже на тенистую сторону оврагов, ложились огнистым свинцом по речке”, вызывает у него восторг [3, с. 182].

В повествовательную структуру повести проникает лиризм, окрашенный элегической тональностью. Исследователь Л.В.Пумпянский подобное описание природы определит как “пейзажную и философскую оркестровку”, в чем, по его мнению, заключается одно из важных отличий тургеневской повести от “Повестей Белкина” и “Тамани”, от повестей Гоголя и раннего Достоевского. Впервые, уточняет Л.В.Пумпянский, именно в “Дневнике лишнего человека” появляется “новый тип оркестрирующего пейзажа” [10, с. 5, 12]. Мы полагаем, что подобный “лирический аккомпанемент” [10, с. 12] является одним из жанрообразующих элементов новой разновидности повести – лирической.

В тургеневские описания природы, проникнутые субъективным чувством, введены философские размышления автора, совпадающие с голосом рассказчика.

Авторские “вкрапления”, включенные в речь Чулкатурина, свидетельствуют о характере впечатлений человека, приобщившегося к счастливым мгновениям, не оправдавших его надежд: “...когда человеку хорошо, мозг его, как известно, весьма мало действует. Спокойное и радостное чувство, чувство удовлетворения, проникает все его существо; он поглощен им; сознание личности в нем исчезает...” [3, с. 178].

В отличие от Бизьмёнкова, Чулкатурин, узнав, что он нелюбим, вновь возвращается в состояние неуверенности и раздраженности, ибо он не способен к бескорыстной и самоотверженной любви. Итак, по Тургеневу, именно с рефлексирующим сознанием связана трагедия героя-индивидуалиста. В этом, думается, и заключается в определенной мере новизна тургеневского героя, вариативный тип которого обозначен уже в “Гамлете Щигровского уезда”. Тургеневский герой лишь отчасти близок к “маленькому человеку” 40-х годов – социальным положением, близостью к обездоленным, в некоторой мере своей психологией. Мучительные попытки осмыслить себя как личность и обращенность к важнейшим проблемам философии и психологии подтверждают близость героя к автору.

Последние записи дневника обращены к природе, которая дышит вечностью, к грядущим поколениям (“Живите живые!”) [3, с. 119]. Эта, по выражению А.В. Дружинина, “крылатая лирическая речь” [11, с. 340] говорит о том, что характер героя далеко не чужд автору.

Вряд ли целесообразно усматривать в трудной переоценке героем своего жизненного пути “бессилие” и “безнадежность” [8, с. 37], ибо в конце концов он утрачивает свой эгоцентризм и скептицизм, постепенно обретает гармоничное восприятие жизни. Тем не менее характеру героя присуща двойственность: с одной стороны, он приобщается к гармонии бытия, с другой – его сознание бунтует против смерти и исчезновения человеческой личности.

Итак, “Дневник лишнего человека”, несмотря на некоторую близость к “Запискам охотника”, отличается от очерков-рассказов характером субъектной организации произведения, новизной героя, своеобразием конфликта, типом финала. В повести лирическая тенденция подчиняет эпическую и драматическую, что существенно влияет на жанровую разновидность повести, которую, по нашему разумению, можно отнести к *лирической психолого-монологической повести*.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Габель М.О.** “Дневник лишнего человека”. Об авторской оценке героя // Тургеневский сборник. Материалы к Полн. собр. соч. и писем И.С.Тургенева. – М.–Л., 1966. – Т. II. – С. 119.
2. **Кулешов В.И.** Этюды о русских писателях (исследования и характеристики). – М., 1982. – С. 187.
3. **Тургенев И.С.** Полн. собр. соч. – М., 1980. – Т. IV.
4. **Хализев В.Е.** Теория литературы. – М., 1999.
5. **Маркович В.М.** Иван Сергеевич Тургенев // Энциклопедия литературных героев. Русская литература второй половины XIX в. – М., 1997.
6. **Громов В.А.** Очерк, рассказ, повесть у Тургенева (из наблюдений над черновыми автографами “Гамлета Щигровского уезда” и “Дневника лишнего человека”) // Второй межвузовский тургеневский сборник / Уч. зап. Курск. гос. пед. ин-та. – Орел, 1968. – Т.51.
7. А.В. Дружинин здесь не отрицал принадлежности произведения к жанру повести, а высказывал мнение о специфике ее жанровой природы. См.: Современник, 1850. – №5. – Отд. VI. – С. 80.
8. **Курляндская Г.Б.** Структура повести и романа И.С.Тургенева 1850-х годов. – Тула, 1977.
9. **Кулешов В.** Тургенев – мастер рассказа и повести // Тургенев И.С. Записки охотника. Повести и рассказы. – М., 1979.

10. *Пумпянский Л.В.* Тургенев – новеллист // Тургенев И.С. Соч. – М.; Л., 1929. – Т. VII.
11. *Дружинин А.В.* Собр.соч. – СПб., 1865. – Т. VII.

SUMMARY

In the article the peculiarities of the genre and style of the narrative "The Unnecessary Man's Dairy" by I.S. Turgenev are analysed. The opinion of the researchers who consider this work to be a mere continuation on the previous writer's manner that was used in the narrative "Itinerary of the Hunter" is criticized. It is grounded that the style of the narrative "The Unnecessary Man's Dairy" is a genre modification of the lyrical narration.